

3. Derkach A. A. Sotsial'no-psihologicheskie osnovy sovershenstvovaniya dejatel'nosti vospitatel'ja: Avtoref. ... kand. dis. L.: LGU, 1981. 31 s.
4. D'jachenko M. I., Kandybovich L. A., Ponamorenko V. A. Gotovnost' k dejatel'nosti v naprjazhennyh situacijah: psihologicheskij aspekt. Minsk: Izd-vo Universitetskoe, 1985. 206 s.
5. Zeer E. F. Psihologija stanovlenija lichnosti inzhenera-pedagoga. Sverdlovsk: Sverdl. Inzh.-ped. in-t, 1987.
6. Il'in E. P. Motivatsija i motivy. SPb.: Piter, 2000. 508 s.
7. Klimov E. A. Psihologo-pedagogicheskie problemy professional'noj konsul'tatsii. M.: Znanie, 1983. 95 s.
8. Korablina E. P. Professija psiholog-konsul'tant. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2003.
9. Korablina E. P. Psihologija podgotovki k professional'noj dejatel'nosti psihologa-konsul'tanta: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb. 2006. 43 s.
10. Korablina E. P. Fenomenologicheskaja model' professional'noj samorealizatsii psihologa-konsul'tanta // Psihologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti. Vyp. 8.SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. S. 48–62.
11. Korzhova E. Ju. Psihologija adaptatsii pedagogov k professional'noj dejatel'nosti: Monografija. SPb.: Baltijskaja pedagogicheskaja akademija; Institut psihologii cheloveka, 1996. 159 s.
12. Kotik M. A. Samoreguljatsija i nadezhnost' cheloveka-operatora. Tallinn: Valgus, 1981. 408 s.
13. Leont'ev A. N. Potrebnosti, motivy i emotsii. Konspekt leksij. M.: MGU, 1971. 40 s.
14. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 s.
15. Mariwuk V. L. Psihologicheskie osnovy professional'no znachimyh kachestv Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk, L., 1982. 32 s.
16. Oshanin D. A. Kontseptsija operativnosti otrazhenija v inzhenernoj i obshchej psihologii // Obraz reguljatsii dejatel'nosti (k 90-letiju D. A. Oshanina) // Tezisy dokladov k mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. M.: Rossijskoe psihologicheskoe obwestvo; Psihologicheskij tsentr RAO, 1997. 242 s.
17. Platonov K. K. Voprosy psihologii truda. M.: Medicina, 1970. 264 s.
18. Platonov K. K. Kratkij slovar' sistemy psihologicheskikh ponjatij: Ucheb. posobie dlja uchebn. zavedenij proftehobrazovanija. M.: Vyssh. shkola, 1984. 174 s.
19. Problema formirovanija professional'nyh interesov u uchashchihsja srednih proftehuchilishch: Metodicheskoe posobie / Pod red. V. E. Alekseeva, L. G. Antipovoj. M.: Vysshaja shkola. 1987. 112 s.
20. Korablina E. P. Kontseptsija psihologicheskij podgotovki k professional'noj dejatel'nosti // Psihologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti. Vyp. 11 (k 100-letiju so dnja rozhden'ja B. G. Anan'eva) / Pod red. L. A. Korostyl'jovoj. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 272 s.
21. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii SPb.: Piter, 2000. 712 s.
22. Fenomenologija iskusstva. M.: IF RAN, 1996. 263 s.
23. Shadrikov V. D. Problema sistemogeneza professional'noj dejatel'nosti. M.: Nauka, 1982. 184 s.

И. М. Богдановская

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ ЛЮБВИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Представлены результаты исследования современных мифов о любви в юношеском возрасте. Проведена реконструкция системы личностных смыслов, репрезентирующих субъективную картину любовных взаимоотношений. Подтверждена гипотеза о том, что в структуре личностных смыслов любви обнаруживаются компоненты традиционной и социальной мифологии, отражающие глубинные мотивы взаимоотношений, в разной степени осознанные установки по отношению к объекту любви, определенную схему, сюжет или сценарий, определяющий поведение по отношению к партнеру.

Ключевые слова: личностный смысл, традиционный миф, социальный миф, семейный миф, индивидуальная концепция любви.

I. Bogdanovskaya

Mythological Components of Personal Meanings of Love in Adolescence

The results of researching modern myths about love in adolescence are presented in the article. Personal meanings are reconstructed representing the subjective picture of love relationships. It is argued that the structure of personal meanings of love includes components of traditional and social mythology, which reflect the underlying motives of relationships in varying degrees of awareness of attitudes to the subject of love relationships, a particular scheme, the plot or script determines the behavior in relation to the partner.

Keywords: personal meanings, traditional myth, social myth, family myth, the individual concept of love.

В настоящее время в сфере социогуманитарного знания существует большое число теоретических концепций и эмпирических исследований любви. Попытка определить, понять и исследовать данный феномен всегда интересовала философов, ученых, людей, не имеющих отношения к науке. Если говорить о психологии, то свое название наука получила в честь героини мифа о Психее — одной из древних историй о любви. В настоящее время актуальность подобных исследований не ослабевает. Авторами практически всех значимых концепций в области психологии подчеркивается причастность любви к основным сферам человеческой жизни, ее «сквозное» значение в ходе онтогенеза, ее определяющее значение для построения здоровых межличностных отношений, для процесса самореализации и духовного развития. Можно говорить и о том, что понимание человеческого бытия наиболее полно раскрывается в отношениях «Я — Другой», когда любовь свободно, творчески определяет и направляет подлинное человеческое существование [14].

На данный момент в психологии не существует единой концепции любви, хотя ее различные грани раскрываются в рамках психоаналитического, когнитивно-бихевиорального, экзистенциально-гуманистического, феноменологического и социально-

психо-логического подходов. В различных направлениях психоанализа любовь понимается как либидо, любовь — привязанность, любовь — Эрос, любовь как связь с коллективным бессознательным, способ достижения Самости, любовь как элемент социального чувства (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер и др.). С точки зрения исследователей, относящихся к когнитивно-бихевиоральному направлению, любовь возникает как реакция на позитивные стимулы, нуждается в подкреплении — как положительном, так и негативном, может рассматриваться как элемент общинных отношений, отражает специфику интерпретации человеком физиологического возбуждения (Дж. Миллс, Д. Б. Уотсон, Дж. Харви, Дж. Флойд, С. Шехтер и др.). Экзистенциально-гуманистическое направление связывает любовь с духовными ценностями, с безусловным принятием личности другого человека, с максимальным самовыражением и саморазвитием любящих людей в отношениях (А. Маслоу, В. Франкл и др.). С позиций феноменологической теории любовь понимается как помогающие отношения, искренность, открытость опыту, безоценочное принятие другого человека (К. Роджерс и др.). Социально-психологические теории рассматривают любовь в контексте межличностных отношений как средство достижения статуса, власти, реализацию разно-

уровневых потребностей, стилевые характеристики любви, типы любви и их структурное строение (Р. Дж. Стенберг, Э. Уолстер, Б. Уолстер, З. Рубин, Т. Кемпер, К. Хендрик, С. Хендрик и др.). В отечественной психологии любовь изучается в рамках теории отношений, состояний, проблемы совместимости, в контексте социокультурных факторов; происходит осмысление места любви в системе общечеловеческих и личностных ценностей (Л. Я. Гозман, В. М. Розин, В. И. Мясищев и др.).

Однако на данный момент нельзя сказать, что круг исследований этого чувства исчерпан. Более того, представляется, что полностью психологическая сущность любви не может быть раскрыта из-за невозможности в ходе объективного исследования формализовать все многообразие ее проявлений: «сама любовь как человеческое отношение и переживание не может быть «сфотографирована» и измерена никакими научными средствами» [6, с. 121].

Основной задачей психологии в этой ситуации становится не объяснение любви, а уточнение, прояснение значения данного феномена для современного человека [6].

Исходя из этого понимания, переход современной науки к неклассической и постнеклассической методологии существенно расширяет границы научно-психологического исследования феномена любви за счет использования диалогических и герменевтических методов, проективного и психосемантического подходов. Эти методологические приемы позволяют сконцентрироваться на переживании, ценности и смыслах любви непосредственно для субъектов, выявлять смысловую организацию представлений об этом чувстве. При этом смысл любви не может рассматриваться вне исторического и социокультурного контекстов, поскольку в нем отражаются все значения, ценности, нормы поведения, накопленные человечеством за время его развития [3; 4; 5]. Психологический анализ культурно-исторической трансформации личностных

смыслов любви, проведенный Е. В. Вараксиной, связывает их с разноуровневыми потребностями субъекта. Так, автор отмечает: «В ходе культурно-исторического развития происходит усложнение представлений о любви: любовь связывается со все более высокими уровнями потребностной сферы человека. От потребностей организма, вида, природного субъекта в архаической культуре происходит переход к потребностям гражданским, этническим, эстетическим, познавательным — к потребностям культурного социального субъекта» [5, с. 200].

С позиций культурно-исторических, можно подойти к более глубокому пониманию специфики личностных смыслов любви, поскольку последние концентрируют в себе ценности, накопившиеся за весь период развития человечества, и добавляют новые, характерные для нашего времени. Личностный смысл любви появляется не спонтанно, он формируется и передается в ходе усвоения культурных реальностей, является результатом творческой деятельности человека [16, с. 40]. Пронизывая всю совокупность отношений между людьми, индивидуальные смыслы любви отражают одновременно характеристику развития человека как «общественного существа» [15, с. 14–15]. Представления о любви отражают не только глубинные переживания, но и смысловой мир культуры конкретной личности, определяющий ее способ бытия и мироощущения. Естественно, что ни одна культура не существует в изоляции, но всегда находится во взаимодействии с другими культурами. Так, личностный смысл любви, приобретенный человеком, сформировавшимся в условиях одной культуры, может стать достоянием «других людей, других поколений и других культур, находящихся в иных областях пространства и времени» [16, с. 49].

Рассуждая о природе личностного смысла любви, необходимо отметить, что связь с социокультурным опытом наделяет его и особым содержанием, которое человек соз-

нательно или подсознательно воспринимает и в дальнейшем руководствуется им в своих поступках. Речь идет о мифологизированной компоненте социокультурного опыта как о базовой глубинной составляющей современной картины мира, объединяющей элементы знаний, убеждений и верований, нравственную, эстетическую и эмоциональную оценки различных объектов и явлений действительности. В контексте социокультурного опыта личности применительно к мифу можно говорить не о традиционном поиске знания, а о мироощущении, чувственном сопереживании, мирочувствовании. Результат процессов мифотворчества связан для человека с интерпретацией природных и социальных явлений, всего многообразия своих отношений с другими людьми и с миром в целом, личностной идентичности и индивидуальной истории. Как отмечает Н. И. Осмонова [11], в субъективной картине мира миф реализует адаптивную функцию, позволяя человеку создавать комфортную психологическую и духовную среду обитания, чувствовать себя защищенным в окружающем его мире, делать мир понятным и близким. Миф превращает окружающий мир в совокупность смысловых схем, которые взаимодействуют между собой в сознании человека и позволяют конструировать новую смысловую реальность, не меняя физических параметров окружающего мира [17]. В структуре социокультурного опыта личности мы можем обнаружить два вида мифов, различающихся по временному типу. Первый из них — традиционная мифология, представленная сакрализованными программами и основанная на архаических формах ментальности. Второй — современная социальная мифология, которая, с одной стороны, является эмоционально окрашенным, чувственным представлением о социальной действительности, замещающим и вытесняющим подлинное знание, а с другой — может рассматриваться как вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культур-

ную традицию в результате сознательного рефлексивного целеполагания. Общими функциями традиционной и социальной мифологии в системе личностных смыслов являются: моделирование образов жизненной и социальной реальности; целостная репрезентация этих образов в единстве семантического, аксиологического и праксиологического компонентов; медиация — заполнение смысловых лакун в понимании мира внелогическими интерпретационными моделями [2; 11]. Таким образом, мифы становятся для человека одним из средств саморефлексии и самоопределения, посредством которых создается символическая картина действительности, объединяющая в себе закодированный (посредством архетипов) социокультурный опыт и отличающаяся субъективной организацией пространства и времени, истории и перспективы развития. Можно предположить, что и традиционная, и социальная мифологические компоненты в структуре личностных смыслов любви являются действенной силой, которая организует поведение индивида, реализуется в ритуалах социального поведения, укрепляет социальные связи, придает осмысленность человеческому существованию, выполняет функции психологической компенсации. Анализируя психологическую природу традиционных мифов о любви, Р. А. Джонсон [18] пишет об их способности существовать не только в культурно-историческом наследии того или иного народа, не только в литературе, в кинематографе и в человеческом воображении. С точки зрения исследователя, традиционный миф сразу же находит выход как в современных формах и направлениях культуры, так и в повседневной человеческой деятельности. Автор полагает, что миф — это «живой, развернутый взгляд» на движущие силы бессознательного, который рисует поразительно точную картину любви, объясняет, почему именно этот ее символический образ проявляется в современной культуре и включается в систему личностных смы-

слов современного человека. Еще одна глубокая мысль Р. А. Джонсона о традиционных мифах связана с тем, что они являются символическим свидетельством определенной стадии личностного роста как отдельного человека, так и целого общества, демонстрируют как конфликты и иллюзии, так и возможности, скрывающиеся в ситуации любовных взаимоотношений. Значимость исследования традиционной мифологической компоненты личностных смыслов любви состоит том, что они позволяют «расшифровать», объяснить символический язык чувств, который они в себе несут.

Отличие социальных мифов о любви от мифов традиционных является довольно значимым. В социальных мифах объектом мифологизации являются реальные люди и любовные отношения настоящего и недавнего прошлого. Как и все социальные мифы, современные мифы о любви создаются определенными людьми или группами людей, несут в себе видимость правдоподобия и наукообразия, могут распространяться через средства массовой информации. В настоящее время не существует единого подхода к выделению типов социальных мифов о любви. На наш взгляд, возможна их эмпирическая классификация по различным основаниям: мифы массовой культуры, мифы социальных сетей, мифы о любви в рекламе, психологические мифы, мифы различных субкультур, медицинские/ биологизаторские мифы — и этот список можно продолжать.

Большое влияние на личностный смысл любви оказывают семейные мифы. А. А. Нестерова определяет семейный миф как «сложный социально-психологический феномен, детерминированный рядом социокультурных, социально-групповых, внутрисемейных и личностных факторов» [9, с. 10]. С точки зрения исследователя, все семейные мифологемы, присутствующие в социокультурных источниках (в мифах, сказках, пословицах о семье), актуализируются в представлениях современников. На

первые места у современных российских испытуемых выходят семейные мифы «о волшебной силе любви» и мифы «о вечной любви». Как показала А. А. Нестерова в своем исследовании, на мифы о «вечной любви» значимое влияние оказывают уровень образования и место проживания (город, село) человека.

Интегрируясь в системе личностных смыслов, традиционная и социальная мифология создает не всегда осознаваемую, но реально существующую «индивидуальную концепцию любви» [13, с. 34]. С точки зрения С. В. Петрушина, совпадение поведения другого человека с индивидуальной концепцией и является начальным моментом возникновения влюбленности и привязанности. Иногда индивидуальный миф о любви становится постоянным лейтмотивом отношений, неосознанным требованием, которое мы предъявляем к другому человеку. Так, он может стать препятствием, рамкой, ограничивающей движение человека к истинной любви [13]. С этой точки зрения, обнаружение и осознание своего индивидуального мифа может дать возможность человеку изменить, усилить свою способность к любви.

Обширная феноменология традиционных и социальных мифов о любви отражает их целостную психологическую сущность, связанную с духовной жизнью человека и общества. Психологические аспекты мифов о любви соотносимы с различными сторонами окружающей действительности, выполняют функцию упорядочения и интерпретации жизненного опыта любовных отношений современного человека. Важной стороной изучения личностных смыслов любви может стать обращение к логике традиционного и социального мифа. Изучение мифов о любви с позиций структурного подхода позволит выявить компоненты мифологического содержания, организованные как культурно-символический гештальт, объединяющий элементы деятельности (внутренней или внешней), реализующий

заложенную в нем схему или сюжет, включающиеся через систему личностных смыслов в регуляцию жизнедеятельности современного человека. В связи с этим рабочая гипотеза нашего исследования состояла в предположении о том, что в структуре личностных смыслов любви мы можем обнаружить компоненты традиционной и современной социальной мифологии. Мифологические компоненты личностных смыслов отражают глубинные мотивы взаимоотношений, в разной степени осознанные установки по отношению к объекту любовного отношения, определенную схему, сюжет или сценарий, определяющий поведение по отношению к партнеру.

В нашей работе мы остановились на феномене любви по отношению к лицам противоположного пола (к партнерам) в юношеском возрасте. Для этого возрастного периода, который Э. Эриксон назвал «психическим мораторием», характерны многомерные процессы, связанные со стремлением найти свое место в обществе, обрести взрослую идентичность и новое отношение к миру. Особенностью этого периода является стремление к достижению близости, к поддержанию взаимности в отношениях, к слиянию с идентичностью другого человека без опасения потерять самого себя. Влюбленность, возникающая в этом возрасте, по мнению Э. Эриксона, не носит ярко выраженного сексуального характера: «В значительной степени юношеская влюбленность есть попытка придти к определению собственной идентичности путем проекции собственного первоначально не отчетливого образа на кого-то другого и лицезрения его уже в отраженном и проясненном виде» (цит. по [10, с. 52]). Качество, которое позволит молодому человеку нормально выйти из кризиса, — это любовь. Именно поэтому изучение мифов о любви в юношеском возрасте позволит более полно представить значимые образцы любовных отношений и их личностный смысл.

Объектом исследования выступила группа студентов Санкт-Петербургского института гуманитарного образования и Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (70 человек). Возраст испытуемых варьировался от восемнадцати до двадцати четырех лет, группа была уравновешена по полу. В выборке были представлены студенты различной профессиональной ориентации: менеджмент, психология, биология и др.

Для исследования личностного смысла любви были использованы следующие методики: методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева [8], мини-эссе на тему «Идеальные и реальные любовные отношения». В работе использовались психосемантические методы — репертуарная решетка «Идеальная пара», сконструированная по результатам анализа методики предельных смыслов Д. А. Леонтьева.

На первом этапе исследования нами изучались предельные смыслы любви — это глубинные смыслы, которыми руководствуется личность в построении любовных взаимоотношений. По результатам методики Д. А. Леонтьева нами было проанализировано 175 предельных смыслов. Среди них выделились три группы: бытийные смыслы (83%), основанные на осознании ценности другого человека, без какого-либо желания его изменить или использовать; дефицитарные смыслы (13%), связанные со стремлением человека получить от любви то, чего не хватает: самоуважение, любовь и пр.; функциональные смыслы (4%), отражающие понимание любви в связи с физиологическими потребностями.

Личностный смысл любви обязательно включает идеальный образ любовных взаимоотношений. Идеал, с этой точки зрения, намечает направление развития отношений, их «временную» перспективу. По результатам анкетирования было выявлено 65 пар «идеальных возлюбленных». В составленной по этим результатам ранговой иерархии первое и второе место занимают Джек и Ро-

уз (к/ф «Титаник»), Ромео и Джульетта. Родительская и прародительская пары (мать и отец, бабушка и дедушка), поделили третье место. Следующими по популярности парами явились: Красавица и Чудовище, Мастер и Маргарита, мистер и миссис Смит, Бонни и Клайд, Я и мой молодой человек, Элизабет Беннет и мистер Дарси (к/ф «Гордость и предубеждение»), Элли и Ной (к/ф «Дневник памяти»), Белла и Эдвард (к/ф «Сумерки»). Повторяющиеся образы идеальных пар составили 60% от общего числа примеров. Эти результаты показывают, что социокультурный сценарий развития идеальных любовных отношений в основном транслируется средствами кинематографа, но включает образы и реально существующих персонажей.

Исходя из анализа сюжетов любовных отношений, можно сделать вывод о том, что первые места занимают отношения, в которых царит самопожертвование либо одностороннее (Роуз и Джек «Титаник»), либо обоюдное (Ромео и Джульетта). Это указывает на преобладание в любовных отношениях любви-самопожертвования и любви-страсти. Для таких отношений характерна преданность, непреодолимое физическое влечение, а также бескорытность, нежность и забота. Проанализируем мифологические аспекты этих образов.

Исток сюжета о Ромео и Джульетте восходит к мифологическому рассказу Овидия о Пираме и Тисбе из враждующих семей Вавилона, любовь которых также трагически оборвалась. Мотивы свадьбы и смерти в античной мифологии, особенно в восточных сюжетах, часто перекликаются и встречаются в одном сюжете как Любовь и Смерть, Эрос и Танатос. Джек и Роуз из фильма «Титаник» представляют собой самую романтическую пару современного кинематографа. В их отношениях просматривается линия, связанная с религиозным, библейским мотивом жертвы во спасение, в данном случае одного человека. После

встречи с Джеком, Роуз начинает новую жизнь, взяв фамилию погибшего возлюбленного, изменившего ее взгляды на мир. Архетипическая пара Красавица и Чудовище отсылает к сюжету, важному для любовных и брачных отношений, в котором смертная девушка возвышает чудовище до себя, причем, само чудовище — это заколдованный мужчина [1]. Мастер и Маргарита — пара, давшая название знаменитому роману-мифу, также представляет отношения, уделом которых становится соединение в смерти, но всепобеждающая любовь позволяет им возродиться к вечной жизни. Такие пары, как мистер и миссис Смит, Бонни и Клайд, демонстрируют романтические отношения между людьми в мифологической структуре гангстерского фильма. Образы наемных убийц (мистер и миссис Смит) и легендарных бандитов отсылают к сексуально-эротической линии массовой культуры, которая часто демонстрирует иррациональную власть сексуальных инстинктов над людьми и их связь с садомазохистскими комплексами и агрессивностью. Сюжетная линия Элли и Ноя из кинофильма «Дневник памяти», связанная с мифом о Филемоне и Бавкиде, кратко может быть выражена словами «... и умерли в один день». Пара Беллы и Эдварда из «Сумерек» представляет вампирический миф, который можно рассматривать как один из главных трендов массовой культуры. Однако в основе современного киномифа лежит более глубокий архетипический сюжет, о котором С. Ф. Панкин говорит следующее: «...легенды о вампирах в их архетипическом измерении являются отголоском древней традиции, связанной с высшей новогодней мистерией солнца. В них воплощена убежденность, что смерти — как полного конца — просто не существует, что за роковой чертой могилы, безусловно, начинается новое существование, и это существование так же конкретно и материально, так же реально (или так же призрачно, если угодно), как и земное» [12, с. 152]. Отношения Элизабет Бен-

нет и мистера Дарси («Гордость и предубеждение») связываются с мифом об отвергнутом женихе, который в данном произведении превращается в жениха истинного после серьезных изменений во взглядах де-

вушки на отношения между женщиной и женщиной.

Образ «реальных любовных взаимоотношений» выявлялся в ходе контент-анализа по результатам мини-эссе (табл. 1).

Таблица 1

«Главное в любовных отношениях — это ...»	Ранг	«Главное в любовных отношениях в наше время —...»	Ранг	«Главное в любовных отношениях для меня — ...»	Ранг
Всего:121 ответ		Всего:119 ответов		Всего:179 ответов	
любовь	1	секс, сексуальная совместимость, сексуальная удовлетворенность, сексуальное влечение	1	понимание, взаимопонимание	1
самопожертвование	2	доверие	2	доверие	2
чувства	4	материальное благополучие, высокий социальный статус	3,5	уважение	3
преданность	4	понимание	3,5	быть рядом, быть вместе	5,5
понимание	4	общие интересы	5	преданность	5,5
доверие	6	верность	6	общие интересы	5,5
		любовь — это сейчас не главное, не самое ценное, теряющее смысл	6	любовь	5,5
		любовь	6	честность	8,5
				забота	8,5

По результатам контент-анализа, можно сделать вывод о том, что молодые люди главным в отношениях считают любовь-самопожертвование, преданность и понимание. Наиболее важным для любви в наше время молодежь считает сексуальные отношения, сексуальную удовлетворенность и сексуальную совместимость, материальное благополучие и высокий социальный статус. В данной категории представлен и пессимистический взгляд на отношения, связанный с тем, что любовь в наше время не является самым главным и продолжает терять смысл. Значимым в отношениях «для меня» на первых местах находятся взаимопонимание, доверие и уважение, преданность и общие интересы.

На завершающем этапе исследования нами была сконструирована репертуарная

решетка, конструкты которой были выделены на основании методики предельных смыслов: «счастье — горе»; «одиночество — близость»; «смысл — бессмысленность»; «гармония — дисгармония»; «нужность — ненужность»; «спокойствие — беспокойство»; «радость — печаль»; «интерес — скука»; «удовлетворение — неудовлетворенность»; «доверие — предательство»; «защищенность — опасность»; «мир — война»; «полноценность — неполноценность»; «помощь — беспомощность»; «уверенность — неуверенность»; «целеустремленность — расслабленность»; «свобода — ответственность».

В табл. 2 отражены результаты факторизации личностных конструктов, позволившие выделить основные размерности личностно-смыслового пространства любви

участников исследования: «Эмоциональная близость/ эмоциональная напряженность», «Реализация/ фрустрация бытийных смыслов любви».

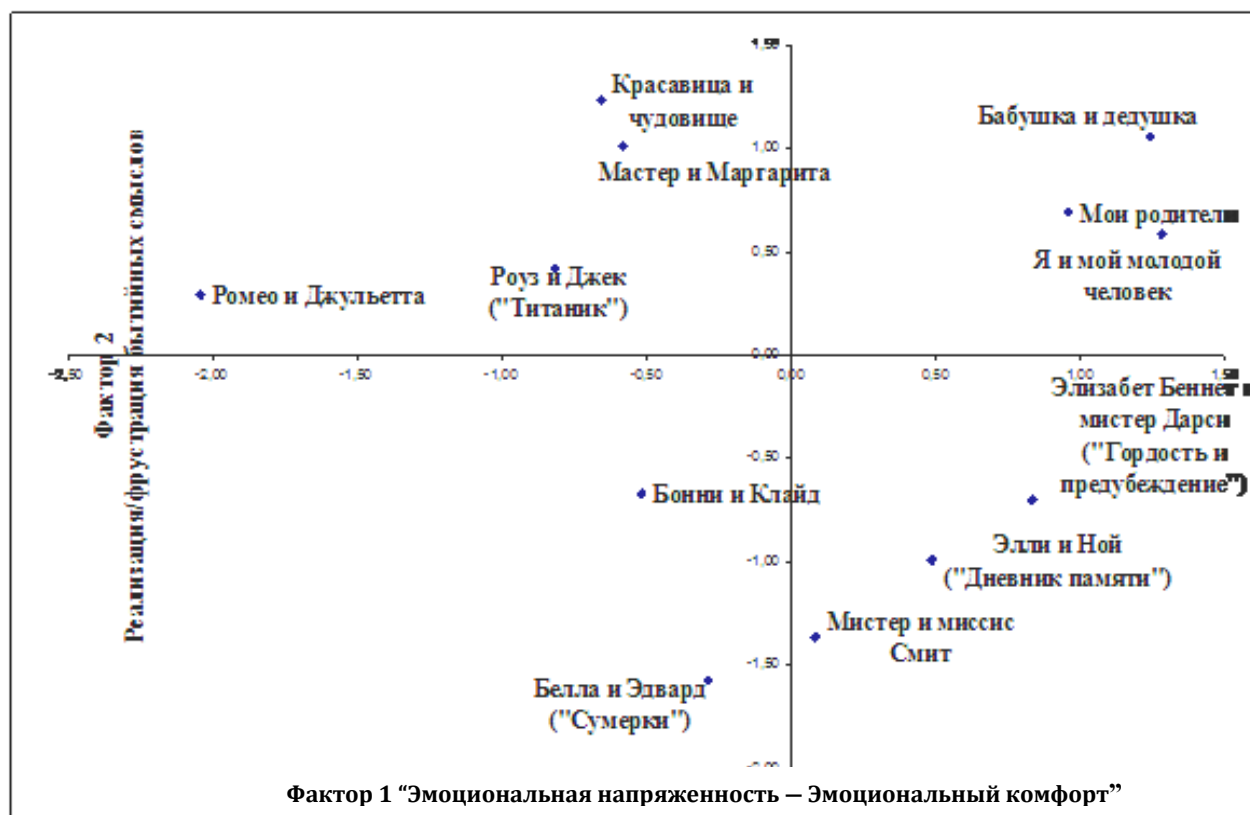
В качестве элементов оценивания были выбраны образы возлюбленных, которые

испытуемые использовали для описания идеальных любовных отношений в мини-эссе.

На рисунке приведено размещение идеальных образов в пространстве выделенных факторов.

Таблица 2

№ п/п	Общие факторы	Показатели, образующие фактор	Факторная нагрузка
1	«Эмоциональная близость / эмоциональная напряженность» (общая дисперсия, объясняемая действием фактора — 49%)	спокойствие — беспокойство радость — печаль защищенность — опасность мир — война помощь — беспомощность уверенность — неуверенность	0,93 0,82 0,91 0,80 0,84 0,80
2	«Реализация/фрустрация бытийных смыслов любви» (общая дисперсия, объясняемая действием фактора — 42%)	счастье — несчастье близость — одиночество смысл — бессмысленность нужность — ненужность удовлетворение — неудовлетворенность доверие — предательство	0,76 0,84 0,74 0,76 0,74 0,72

Из приведенного рисунка видно, что наиболее близкими участникам исследования являются образы родительской и прародительской семьи. Именно эти пары наиболее высоко оцениваются по фактору эмоциональной близости в отношениях. Самой субъективно близкой парой возлюбленных являются Элизабет Беннет и мистер Дарси. Наиболее эмоционально-напряженными являются отношения Ромео и Джульетты, от которых испытуемые субъективно дистанцируются. Отношениями, наиболее полно реализовавшими бытийные смыслы любви, являются образы Красавицы и Чудовища, Мастера и Маргариты, родителей и прародителей.

Итак, подведя итог, можно говорить о том, что основная идея, послужившая основой для формирования рабочей гипотезы, подтвердилась: личностные смыслы любви современного молодого человека включают мифологемы-символы данного чувства, посредством которых одновременно репрезентируется и субъективная картина любовных взаимоотношений. Мифологические компоненты в структуре личностных смыслов любви иносказательно выражают сущность

происходящего в жизненном пространстве молодого человека и обозначают его значимость для будущего при помощи специального (символического) языка. Следует обратить внимание на то, что выявленные мифологизированные образы идеальных любовных отношений тесно связаны с личностью молодых людей, поскольку в любви, которая «сама является зеркалом, своеобразно отражающим реалии человеческого бытия» [14, с. 158], наиболее полно раскрывается их уникальная индивидуальность. Изучение индивидуальных концепций любви раскрывает для психологии многомерное пространство смыслов современного молодого человека, отражает становление его идентичности.

Изучение индивидуальных мифов о любви отражает наиболее современные тенденции психологии, связанные со стремлением к постижению целостного бытия субъекта в его отношениях к себе, к миру и к другим людям. С этой точки зрения индивидуальный миф о любви — это «важнейшая интенция нашей субъективности» [14, с. 158], в которой наиболее полно выражается личностное бытие человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедненко Г. Б. Красавица и чудовище: социально-ролевой и интрапсихический анализ сказки — URL: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=563> (Дата обращения: 25. 05. 2012)
2. Богдановская И. М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2011. № 142. С. 15–27.
3. Вараксина Е. В. Психоисторические тенденции динамики смысла любви // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 197–200.
4. Вараксина Е. В. Смысл любви: опыт постнеклассического исследования. Омский научный вестник. 2007. Т. 59. № 5. С. 136–139.
5. Вараксина Е. В. Трансформация представлений о смысле любви в процессе жизнеосуществления человека: Дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2008. 285 с.
6. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999. 180 с.
7. Екимчик О. А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 28 с.
8. Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 2. С. 53–69.
9. Нестерова А. А. Социально-психологические детерминанты семейных мифов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 193 с.
10. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 374 с.

11. Осмонова Н. И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); Общечеловеческое и национальное в философии: II Международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.): Материалы выступлений / Под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004.
12. Панкин С. Ф. Вампиры и оборотни. М.: ЭКСМО, 2009. С. 152.
13. Петрушин С. В. Любовь и другие человеческие отношения. Изд. 2-е, доп. СПб.: Речь, 2006. 144 с.
14. Попова О. А. Любовь человека как онтологическое условие бытия личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (2). С. 156–159.
15. Пигалев А. И. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 150 с.
16. Силичева О. В. Миф и личность. (Становление реально-мифической личности): теоретическое исследование: Монография / О. В. Силичева, А. П. Горячев; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2004. 157 с.
17. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М.: КомКнига, 2005.
18. Johnson Robert A. We: Understanding the Psychology of Romantic Love. Harper San Francisco. 1983. 204 p.

REFERENCES

1. Bednenko G. B. Krasavitsa i chudovishche: social'no-rolevoj i intrapsihicheskij analiz skazki — URL: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=563> (Data obrashchenija: 25. 05. 2012)
2. Bogdanovskaja I. M. Psihologicheskie mehanizmy transformatsij traditsionnyh mifologem v obraze Rossii sovremennoj molodezhi // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena Spb., 2011. № 142. S. 15–27.
3. Varaksina E. V. Psihoistoricheskie tendentsii dinamiki smysla ljubvi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 302. S. 197–200.
4. Varaksina E. V. Smysl ljubvi: opyt postneklassicheskogo issledovanija. Omskij nauchnyj vestnik. 2007. T. 59. № 5. S. 136–139.
5. Varaksina E. V. Transformatsija predstavlenij o smysle ljubvi v protsesse zhizneosuwestvlenija cheloveka: Dis. ... kand. psihologicheskikh nauk. Barnaul, 2008. 285 s.
6. Demidov A. B. Fenomeny chelovecheskogo bytija. Minsk, 1999. 180 s.
7. Ekimchik O. A. Kognitivnyj i jemocional'nyj i komponenty ljubvi u ljudej raznogo vozrasta: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2009. 28 s.
8. Leont'ev D. A. Metodika predel'nyh smyslov (MPS): Metodicheskoe rukovodstvo // Vest. Mosk. Un-ta. Ser. 14. Psihologija. 1999. №2. S. 53–69.
9. Nesterova A. A. Sotsial'no-psihologicheskie determinanty semejnyh mifov: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2004. 193 s.
10. Obuhova L. F. Detskaja (vozrastnaja) psihologija. M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1996. 374 s.
11. Osmonova N. I. Kul'turnye osnovanija mifa kak faktora natsional'noj identifikatsii // Kantovskie chtenija v KRSU (22 aprelja 2004 g.); Obshchchelovecheskoe i natsional'noe v filosofii: II mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferentsija KRSU (27–28 maja 2004 g.): Materialy vystuplenij / Pod obshch. red. I. I. Ivanovoj. Bishkek, 2004.
12. Pankin S. F. Vampiry i oborotni. M.: EKSMO, 2009. S. 152.
13. Petrushin S. V. Ljubov' i drugie chelovecheskie otnoshenija. Izd. 2-e, dop. SPb.: Rech', 2006. 144 s.
14. Popova O. A. Ljubov' cheloveka kak ontologicheskoe uslovie bytija lichnosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie // Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 8 (2). S. 156–159.
15. Pigaliev A. I. Filosofskij nigelizm i krizis kul'tury. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. 150 s.
16. Silicheva O. V. Mif i lichnost' (Stanovlenie real'no-mificheskij lichnosti): teoreticheskoe issledovanie: Monografija / O. V. Silicheva, A. P. Gorjachev; Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd: Peremena, 2004. 157 s.
17. Shinkarenko V. D. Smyslovaja struktura sotsiokul'turnogo prostranstva: Mif i skazka. M.: KomKniga, 2005.
18. Johnson Robert A. We: Understanding the Psychology of Romantic Love. Harper San Francisco. 1983. 204 p.